

И.В. Ружицкий

**«Словарь языка Достоевского:
идиоглоссарий»
(новые возможности авторской
лексикографии)¹**

The basic methodological principles of the Idioglossary are the following: the description of not all the words of the language but only those that characterize the author's idiosyncrasy, idioglosses; the usage as illustrative material the examples from different genres and from different periods of Dostoevsky's creative works; structuring the dictionary entry so that it reflected the peculiarities of the writer's linguistic identity; the enlarged functioning of the described idioglossa representation by multiparameter linguistic review etc.

Писать рецензии – занятие, на мой взгляд, трудное и неблагодарное. Писать же рецензию на книгу, в создании которой на протяжении 16 лет сам принимал участие, – дело вообще, казалось бы, весьма странное. Хотя слово «саморецензия» используется довольно часто – звучит оно несколько... оксюморонно. И всё же кто лучше самого автора может знать то, что он создает? Многочисленные обсуждения внутри авторского коллектива, выступления с докладами, статьи, монография, наконец, диссертация, – не просто посвященная изучению языка Достоевского, но «выросшая» из Словаря... – всё это позволяет взглянуть на свою работу с абсолютно разных сторон, в том числе и с многочисленных критических точек зрения, которых накопилось немало. На некоторых из них мы в данной рецензии и остановимся. Сначала, однако, все-таки учитывая особенности жанра, приведем некоторые выдержки из опубликованных на «Словарь языка Достоевского» (см. [СЯД 2001, 2003-а,б, 2008, 2010, 1012]) рецензий наших коллег-лексикографов.

Из современных лексикографических проектов «Словарь языка Достоевского», опирающийся на Полное собрание сочинений писателя в тридцати томах, – пожалуй, наиболее масштабный и оригинальный по многим своим измерениям. Нельзя, правда, сказать, что творчество писателя – абсолютно новый предмет для словарного представления. Еще в 1930-х годах небольшим коллективом исследователей во главе с А.Л. Бемом, известным своим вкладом в изучение наследия великого писателя, был составлен и опубликован «Словарь личных имен у Достоевского». Однако этот и другие опыты не имели (и едва ли могли иметь) установку, кроме собственно справочной, на воссоздание идиостиля и мира писателя как целостной языковой личности – как художника слова, публициста, философа, наконец – как русского человека второй половины XIX века. Именно такая установка подвела в начале 1990-х годов <точнее – в середине> Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга – создателей общей концепции проекта – к идее дифферен-

¹ Издание подготовлено в рамках поддержанных РГНФ научных проектов (грант № 15-04-00135).

циально-распределительного словаря Достоевского, являющего собой серию словарей, соотносимых по единицам описания с разными уровнями языковой личности автора. Суммарные содержательные характеристики этих словарей, гипертекстовые формы их совместного использования (с помощью современных технологических приемов) способны, по замыслу, исчерпывающе отразить языковое богатство всего написанного Достоевским и синтезировать созданный им мир. <...> В разных своих фрагментах мир Достоевского хорошо просматривается уже в самом словнике – перечне идиоглосс. Для читателя эти слова в большинстве своем узнаваемы и ожидаемы: *ад, ангел, бедный, бездна, бес и бесы, беспамятство, бледный, Бог, болезнь, бред, брякнуть, быстро, вера, взволноваться, возлюбить, вопрос, врать, вскидчивый, выверт, выходка...* Есть здесь, конечно, и словечки, без которых Достоевский трудно представим, – *авось, вдруг, внезапно*. <...> В совокупности же такие иерархически связанные единицы концептуализируют одну общую идею. <...> Словарь, который концентрирует в себе разнообразную и богатую информацию, демонстрирует искусство писателя «допустить слово до звучания во всем его размахе» (В.В. Биbihин), найдет различное применение в дальнейшем изучении творчества Достоевского. И, полагаем, он вполне может стать книгой для сквозного и выборочного, ради удовольствия, чтения.

Л.Л. Шестакова. Мир писателя в зеркале его словаря

Целью, на достижение которой в конечном итоге направлен проект издания Словаря, является создание речевого портрета писателя, который позволяет представить образ автора и образ авторского мира, а также характеристика идиолектной вариации лексического строя русского литературного языка XIX века. Отличительной чертой идиоглоссария является то, что это словарь аналитического типа, в котором каждая авторская статья представляет собой отдельное исследование, выполненное с учетом разнообразных лексикографических параметров. К этим параметрам авторами словаря предъявляются такие обязательные требования, как последовательность подачи лексико-семантических вариантов в словарной статье, характер иллюстраций, представленных всеми жанрами, в которых употребляется описываемая идиоглосса, обязательное наличие в словарной статье лингвистического комментария и др. Такой строгий подход к выбору максимального числа параметров лексикографического описания и позволяет представить язык Достоевского в трехмерных координатах – «язык – текст», «язык – система» и «язык – мир», и именно такое комплексное описание идиоглосс Достоевского мы считаем основным достоинством рецензируемого словаря.

Н.А. Фатеева. Рецензия на Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I. А–В

«Словарь языка Достоевского» – слишком масштабное, сложное (в хорошем смысле «цветущей сложности» К. Леонтьева, например) событие в современной лингвистике, чтобы дать ему однозначную оценку. В конечном счете, можно рассматривать а) концепцию словаря, б) реализацию данной концепции, ее «техническое исполнение». Первое – значительно интереснее. Потому что «Словарь языка Достоевского» – вне всяких сомнений, совершенно новое (как сейчас говорят – «креативное») слово в лексикографии. Новое – даже не столько с точки зрения принципов описания объекта (это тоже присутствует), сколько с точки зрения определения самого объекта. В чем же заключается суть данной концепции? Суть заключается в том, что впервые объектом масштабного, комплексного и во многом экспериментального лексикографического описания становится Личность. Личность, разумеется, выраженная в языке. Личность писателя, публициста, гения и т. д. Но все-таки – Личность. <...> мы имеем дело с чем-то вроде «Словаря языковой Личности», или «Лингвистического словаря Личности», или «Тезаурусом языковой Личности». Авторы в предисловии говорят о трех «осях» («язык – текст», «язык – система», «язык – мир»). Но в конечном счете все эти оси сходятся в точке Личности, в некоем «идиотопе», который и является, на мой взгляд, главным объектом лексикографического исследования в данном случае. <...> Как описать Личность через ее словарь? Вопрос, как говорится, интересный. Прежде всего – нужно выделить основное в словаре данной Личности, проще говоря, главные слова. Потому

что сплошная лексикографическая «ковровая бомбардировка» текстов ни к чему существенному не приведет. Получится добротный справочник, содержащий 35 тысяч слов, но не «путеводитель по Личности» Ф.М. Достоевского.

В.С. Елистратов. Введение в идиоантропологическую лексикографию

Мы, авторы Словаря, благодарим всех наших рецензентов – не только за поддержку и теплые слова, но и за высказанные замечания, с большинством из которых нельзя не согласиться:

Нетрудно представить, сколь сложен процесс осмысления и систематизации огромного исходного материала Словаря. И понятно, что какие-то решения его составителей покажутся спорными. Так, можно обсуждать целесообразность подачи фразеологизмов, состоящих из двух идиоглосс, в статьях на каждую из них, а не в одной – с соответствующей отсылкой. Например, выражение *Бог видит* в статьях *Бог* и *Видеть* подается разными составителями по-разному; кроме того, почти целиком повторяется иллюстративный материал, что не вполне оправдано в словаре объемом около тысячи страниц. Вызывает сомнение включение в тропеическую рубрику с указанием в метафоре примеров на стертые метафоры <...>. Представляется, что раздел «Ироническое употребление слова» в Комментариях можно было бы дополнить определением «употребление в ироническом контексте», так как приводимые здесь цитаты часто демонстрируют порождение иронии не конкретной идиоглоссой, а совокупным действием образующих высказывание единиц. <...> Однако, даже полемизируя по этим и другим вопросам с составителями Идиоглоссария, обнаруживая в нем опечатки и технические погрешности, едва ли можно усомниться в его прикладной, эвристической и эстетической ценности.

Л.Л. Шестакова

В Предисловии к Словарю следует более четко определить процедуру придания тому или иному слову Достоевского статуса идиоглоссы, подробно описать ту методику (а она, несомненно, есть у авторов-составителей), посредством которой верифицировалась «идиоглоссность» лексемы. Существует необходимость более подробного описания критериев, в соответствии с которыми распределяются разные значения лексемы, описать требования к объему иллюстраций каждого значения контекстами. Как нам представляется, в Предисловии, в разделе, посвященном структуре словарной статьи, следовало бы разъяснить понимание авторами некоторых лингвистических категорий, таких, как, например, автономное употребление слова. Следовало бы также кратко показать принципы распределения иллюстраций употребления идиоглоссы по различным зонам чужой речи (чужая речь и в отсылке к прецедентному тексту).

Н.А. Фатеева

Пожалуй, наиболее серьезную критику в адрес «Словаря» находим у В. Алёкина, отдавшего немало сил и времени на поиск ошибок и опечаток в первых трех выпусках «Словаря» (см. [СЯД 2001, 2003-а, б]):

<...> избирательное использование буквы ё в словах *все* и *всё*, опечатки и дефиски в середине слов, типографские опечатки во французских словах и словах с ударением, разноречивой в оформлении статей. Во-вторых, ляпы, искажающие истинное положение вещей, – путаница в персонажах и цифрах. Кстати, часть ошибок и ляпов из-за не очень качественных текстов – видимо, надо сверить электронную форму с печатным первоисточником.

Этому нашему критику хотелось бы выразить особую благодарность. Конечно, такие аргументы в защиту, как нехватка людей и времени, отсутствие корректоров и технических редакторов и т. п., оправданием служить не могут. И тем не менее, повторюсь, самые серьезные критики – это мы сами; ниже я остановлюсь лишь на

некоторых вопросах, возникавших в ходе создания «Словаря языка Достоевского», однако сначала – несколько слов о его концепции.

Идея создания «Словаря» языка Ф.М. Достоевского как словаря нового типа, который раскрывал бы основные особенности языковой личности писателя, появилась в начале 1990-х гг.; авторы этой идеи – Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург. Основные теоретические принципы «Словаря» были разработаны в трех экспериментальных томах (см. [СЯД 2001, 2003-а, б]). Относительно окончательное оформление концепция «Словаря языка Достоевского» получила в 2008 г., в первых трех томах Идиоглоссария (см. [СЯД 2008, 2010, 2012]). Обозначим его основные особенности.

1. Описывается не весь лексикон Достоевского (приблизительно 35 тыс. слов), но наиболее важные в языковой картине мира писателя единицы, характеризующие авторский идиостиль, несущие ключевые идеи его миропонимания, – идиоглоссы. Идиоглосса является входом словарной статьи, а также ключевым лексикографическим параметром Словаря. Словник, таким образом, насчитывает порядка 2 200 единиц, этот список идиоглосс открытый, любое слово, не замеченное ранее как имеющее идиоглоссный статус, может в дальнейшем в него включаться, как и наоборот – слово, которое на начальном этапе показалось интересным для анализа идиостиля, в ходе тщательного изучения контекстов его употребления исключается из словника как не являющееся идиоглоссой.

2. Второй принцип составления «Словаря языка Достоевского» заключается в том, что «решающим и основным при описании слова в текстах <...> является не уровень “оттенков”, а уровень значений, уровень лексико-семантического варианта. Те же оттеночные колебания в значениях, которые неизбежно присущи словам в процессах их употребления, в процессах функционирования языка, т. е. наличествуют в речи всякой языковой личности <...> не будучи прямым объектом поиска лексикографа, тем не менее улавливаются в описании благодаря разработанному формальному аппарату построения словарной статьи: указания на них либо погружены в толкования, с отделением их друг от друга точкой с запятой, либо распределены <...> по разным подзонам разветвленной структуры словарной статьи» [СЯД 2001: XIV]. Система выделяемых в Словаре лексико-семантических вариантов, таким образом, очень часто не совпадает с той, которая предлагается в существующих толковых словарях. Это касается их количества, формулировок дефиниций и, что принципиально важно, – последовательности. На первое место выносятся то значение, которое является наиболее релевантным, важным в текстах Достоевского, что определяется следующими факторами: реализацией в разных жанрах, в разных периодах творчества и частотой. Так, нередки случаи, когда сначала представлено описание употреблений слова в переносном значении. С практическим отказом от такой общепринятой лексикографической категории, как «оттенок значения», связано и отсутствие в «Словаре языка Достоевского» стилистических помет, поскольку пометы считаются релевантными для общелитературного языка. Основные используемые для семантизации лексико-семантических вариантов идиоглосс способы – это дефиниция, изъяснение, перифраза и синонимический ряд.

3. Два первых принципа Словаря обуславливают третий, касающийся повышенной роли иллюстраций, цитат, выбор которых подчиняется прежде всего следующим критериям: 1) контексты, подбираемые для иллюстраций, должны репрезентировать четыре функциональных разновидности текстов писателя: ху-

дожественную речь, публицистику, эпистолярный жанр и деловые письма (если слово представлено во всех перечисленных функциональных регистрах речи); 2) в каждом из регистров порядок следования иллюстраций подчиняется хронологическому принципу, который отражает три традиционно выделяемых периода творчества Достоевского; 3) обязательно включение в качестве иллюстрации контекста, содержащего первое употребление автором описываемого слова (см. [там же: XIV–XV]). Помимо этих формальных критериев составитель при подборе цитат руководствуется еще такими соображениями: передача в цитате мысли автора, раскрытие его эстетических и общественно-политических воззрений, важность для понимания идейно-художественных особенностей произведения, роль в раскрытии художественного образа и др. К количеству иллюстраций в пределах одной словарной статьи предъявляются следующие требования: для художественной прозы первого и второго периода – не более одной (не включая первое употребление слова), для третьего периода – не более двух, для публицистики и писем – по одной для каждого периода. Надо отметить, что это требование к количеству иллюстраций не является категорическим, что, в первую очередь, связано со значимостью описываемой идиоглоссы. Еще одно обязательное требование к иллюстрациям касается их оформления – это указание на источник, т. е. выделение имени персонажа, которому принадлежат цитируемые слова, и того, кому они адресованы, а если цитата взята из писем – то адресат письма, объяснение ситуации и т. д.

Помимо трех основных параметров (входящее слово – идиоглосса, дефиниция и иллюстрация) в структуру словарной статьи Словаря входит указание на частоту употребления, как общую, так и по жанрам; словоуказатель, в котором отмечаются все текстоформы (графические формы) описываемой лексической единицы с адресами в полном собрании сочинений Достоевского; употребление в составе различного рода фразеологизированных сочетаний, включая пословицы и поговорки; употребление в составе имени собственного с его пояснением. Остальные лексико-графические параметры Словаря фиксируются в рубриках расширенного лингвистического комментария, составляющего обязательную рубрику словарной статьи.

Рассмотрим структуру комментария к словарной статье и его основные особенности.

Комментарий в нашем понимании является вспомогательным средством, своего рода дополнительным текстом, главная цель которого – более полное и адекватное понимание читателем текста основного, комментируемого. Это достигается путем создания соответствующего фона – языкового, исторического, историко-реального, эмоционального. Отсюда и различные виды комментария: исторический, реальный, культурологический, филологический, лингвистический и т. д. Словарь языка писателя тоже можно квалифицировать как лингвистический комментарий особого типа. «Словарь языка Достоевского», как было указано выше, является словарем идиоглосс, слов, выполняющих в том числе и герменевтическую функцию, т. е. использоваться, в частности, для понимания и истолкования текстов писателя. Цель комментария – более полно показать все возможные случаи словоупотребления, что, из-за невозможности описать значения при помощи какого-либо метаязыка, является единственным способом представить объективную картину функционирования слова-идиоглоссы в текстах Достоевского. Такой комментарий представляет собой повторение, но уже в другом масштабе, содержания корпуса словарной статьи, его своеобразное расширение. Он четко структурирован, подразделяется на зоны, со-

ответствующие определенным лексикографическим параметрам. Мотивацией для выделения зон комментария является как объективная картина функционирования слова, так и языковая интуиция авторов – составителей словаря, учитывающих тот факт, что зоны комментария соотносятся с уровнями структуры языковой личности и единицами этих уровней. Комментарий в структуре словарной статьи «Словаря языка Достоевского» основывается на системе следующих лексикографических параметров: 1) употребление идиоглоссы в составе афоризма, 2) автономное употребление слова, 3) неразличение значений слова в одном контексте (максимум три предложения), 4) игровое употребление описываемой идиоглоссы, 5) использование в одном контексте двух или нескольких идиоглосс в разных значениях, 6) употребление однокоренных слов в одном контексте, 7) символическое употребление идиоглоссы, 8) ассоциативно-семантические связи слова, 9) подчинительные связи описываемого слова (гипотаксис), 10) сочинительные связи идиоглоссы (партаксис), 11) нестандартное употребление слова, 12) морфологические особенности идиоглоссы, 13) использование слова в ироническом контексте, 14) тропеические употребления идиоглоссы, 15) использование описываемой идиоглоссы в составе чужой речи, 16) словообразовательный потенциал идиоглоссы (подробнее см. [Ружицкий 2015]).

За годы работы над «Словарем языка Достоевского» его авторы множество раз выступали с докладами, которые были посвящены лежащей в его основе концепции. Вполне естественно, что после этих выступлений было и огромное количество вопросов, однако в разы больше вопросов появлялось у нас самих, авторов «Словаря языка Достоевского», и эти вопросы продолжают возникать. На какие-то вопросы ответы есть, другие нуждаются в дальнейшем осмыслении. Остановимся на наиболее часто встречающихся.

1. Вопрос, который задают те, кто внимательно читал предисловие к Словарю и слушал первые выступления и лекции Ю.Н. Караулова об этом проекте, относится к идее создания Словаря как лексикографической серии. Возникает такой вопрос нечасто, но, тем не менее, поскольку в предисловии об этом говорится довольно много, некоторые моменты надо прояснить. Первоначально планировалось, что лексикографическая серия будет включать в себя словарь-идиоглоссарий, словари фразеологизмов Достоевского, дискурсивных слов, топонимов, онимов, глоссарий, афоризмов, частотный и некоторые другие. Что-то вошло в Идиоглоссарий; например, достаточно полно и широко представленные зоны фразеологии, пословиц и поговорок; отдельные словари были изданы уже вне рамок планируемой серии (частотный), какие-то (афоризмов, глоссарий, или словарь атопонов, единиц непонимания) вошли в [Ружицкий 2015]. От идеи же лексикографической серии, как бы красиво это ни звучало, по разным причинам пришлось отказаться.

2. Как уже было сказано выше, ключевым параметром «Словаря языка Достоевского» является то, что в нем описываются не все слова, употребленные в текстах писателя, но только значимые для его идиостиля, или идиоглоссы. И больше всего вопросов возникало именно вокруг этого параметра Словаря (*Почему такое-то слово – идиоглосса, а другое – нет?*) Кроме того, в предисловии к первому тому Идиоглоссария были разграничены понятия *идИоглосса* и *идЕоглосса*, что еще более усложняло понимание этого термина. Мы сами уже давно оставили только термин «идИоглосса», но читатели, до сих пор ориентированные в основном на предисловие к первому тому, продолжают задавать вопрос о том, чем отличается *идЕоглосса* от *идИоглоссы*. Приходилось даже слышать упреки в том, что кто-то не

смог объяснить это своим студентам, или в том, что здесь некая «лингвистическая игра» и ничего более. Соглашаясь с тем, что в предисловии различие между *идИоглоссой* и *идЕоглоссой* показано несколько туманно, скажу, тем не менее, что мне, например, не хотелось бы окончательно отказываться от этой идеи, предложенной Е.Л. Гинзбургом и состоящей в том, чтобы, пусть в самом общем виде, построить иерархию идиоглосс, ведь очевидно, например, что идиоглоссы *вдруг* и *давеча* отличаются от идиоглосс *время* и *вечность*: первые, если можно так сказать, более индивидуальны. По всей видимости, существует возможность построения иерархии идиоглосс в соответствии со степенью их концептуальной значимости, тогда действительно работал бы тезис Е.Л. Гинзбурга о том, что любая *идЕоглосса* является одновременно и *идИоглоссой*, но не наоборот.

Что касается выборочного описания лексических единиц в словаре языка писателя, то сошлюсь на следующий, достаточно авторитетный источник. Нецелесообразность описания всего авторского лексикона отмечал, например, Яков Карлович Грот в «Словаре к стихотворениям Державина», правда, в качестве единиц для входа в словарную статью использовались отличные от наших принципы: «<...> Не раз между нашими учеными шла рѣчь о составленіи словарей по языку отдѣльныхъ авторовъ, и нѣкоторые при этом полагали, что нужно выписывать всѣ без исключенія слова, встрѣчающіяся у писателя, съ значеніем мѣст, гдѣ каждое изъ нихъ употреблено. Но такіе словари едва ли вознаграждали бы своею пользою массу потраченныхъ на нихъ трудовъ и времени. Цѣль словаря по языку отдѣльнаго писателя должна, кажется, состоять въ томъ, чтобы такой частный трудъ могъ служить матеріаломъ для исторіи общеупотребительнаго языка, для общаго словаря и его грамматики. <...> Изученіе языка какого-нибудь писателя должно конечно имѣть предметом знаніе особенностей, съ которыми является у него языкъ, возможность видѣть, какимъ образомъ он рѣшаетъ затрудненія, представляющіяся пишущему въ примѣненіи законовъ этого языка» [Антология 2003: 200]. Субъективизма в лексикографической практике, в том числе и при определении словника, не избежать (он в определенной степени будет «работать» даже при составлении частотных словарей), так же как и не избежать его, например, при составлении лексических минимумов при обучении иностранному языку.

Сказанное, однако, не означает, что возможностью существования такой субъективности можно оправдать любой произвол. Думаю, что предлагаемый нами путь ничуть не хуже любого другого способа определения словника; например, описывать только те слова, употребленные писателем, которые не вошли в МАС. Процедура же выявления у слова идиоглоссного статуса, которой мы придерживаемся (и это тоже часто является предметом дискуссий), следующая: (1) коллективное прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль (т. е. своего рода метод экспертных оценок); (2) использование данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые; (3) учет вхождения слова в название произведения или в название какой-либо части произведения; (4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, использование слова в игровом контексте и др.; (5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; (6) апробация полученного списка идиоглосс путем пилотажного опроса. Очевид-

но, что почти все указанные критерии принадлежности слова к идиоглоссам ориентированы на восприятие произведений Достоевского современным читателем. Конечно, данная процедура не является абсолютно объективной: бывает так, что, когда словарная статья уже составлена, возникает сомнение – а идиоглосса ли описанное слово? Это, кстати сказать, иногда происходит со словами-концептами, *идЕоглоссами*. Иногда хватает мужества на то, чтобы эту статью не включить в Словарь, но чаще всего, – ведь уже потрачено колоссально много времени на ее составление, – находятся какие-то предлоги, чтобы этот материал оставить. Тем не менее, многочисленные дискуссии на тему, «почему идиоглосса или почему не идиоглосса», привели нас к заключению, что только конечный продукт – уже написанная словарная статья – позволяет приблизиться к ответу на него.

3. Следующий параметр «Словаря языка Достоевского», который также вызывает достаточно много вопросов, – это используемые в Словаре дефиниции. Система выделяемых в Словаре лексико-семантических вариантов часто не совпадает с той, которая предлагается в существующих толковых словарях, что, конечно, не может не вызывать вопросов и критики. Говоря о специфике дефиниций в Словаре, мы должны иметь в виду в первую очередь отказ от стилистических помет и отказ от такой категории, как «оттенок значения». Если первый принцип «работает», то второй – далеко не всегда. Через точку с запятой оттенки значения все-таки иногда выделяются. Первоначальный отказ от категории «оттенок значения» привел к тому, что число значений неоправданно возрастало, как следствие – расширение зон неразличения значений (**НРЗН**) и употребления в одном контексте одной идиоглоссы в разных значениях (**КОМБ1**).

Принцип ориентации при составлении дефиниций на авторские контексты в целом «работает», при этом, естественно, учитываются данные существующих толковых словарей, в том числе и XIX в. Что касается последовательности подачи значений, то она, естественно, может не совпадать с той, которая предлагается в толковых словарях русского языка; здесь играет роль и фактор частоты употребления в том или ином значении, и представленность данного лексико-семантического варианта в разных жанрах и периодах творчества Достоевского.

4. Обратимся к такому параметру Словаря, как иллюстрации, контексты употребления описываемой идиоглоссы. Здесь тоже возникает несколько вопросов, касающихся в основном длины используемого для иллюстрации контекста и количества иллюстраций. По всей видимости, должна быть четкая зависимость количества иллюстраций от общей частоты употребления описываемой идиоглоссы, но четких критериев здесь нет, т. е. такого, чтобы, начиная с такой-то частоты, можно давать столько-то иллюстраций. Вопросы вызывает и такой принцип составления Словаря, как обязательная фиксация первого употребления слова, причем это правило действует для всех жанров. Довольно часто получается так, что первое употребление описываемого слова совершенно неинтересное, не идиоглоссное, но мы его, тем не менее, фиксируем, с него, по сути, и начинается словарная статья. Рассматривалось даже предложение отказаться от этого принципа, но все-таки было решено его сохранить, поскольку данные о первом употреблении слова действительно бывают важны, даже если оно и не показывает особенности идиостиля.

5. Одна из претензий к «Словарю языка Пушкина» состояла в том, что словоуказатель занимает слишком много места и что он вообще не нужен. В конце концов, много ли читателей Достоевского пользуются именно полным собранием его сочинений, по которому в словоуказателе указана страница? Тем не менее

важность и необходимость словоуказателя определяется в первую очередь не возможностью осуществлять какую-то поисковую работу, но наглядностью возможной насыщенности употребления идиоглоссы в разных жанрах, в разных произведениях, в одном контексте конкретного произведения. Так, например, вовсе не общая частота употребления слова *вдруг* у Достоевского подтверждает его идиоглоссный статус, и даже не частота в одном произведении, например, в «Преступлении и наказании»; интерес представляет употребление этого слова в пределах одного небольшого контекста, причем с «нанизыванием» различных синонимов.

6. Большинство вопросов возникает о конкретных зонах комментария к словарной статье: почему именно в такой последовательности даются зоны? почему комментарий начинается с зоны афористики, а близкая по своей сути зона употребления в составе чужой речи – в самом конце? Ответ здесь только один – с первых выпусков словаря сложилась именно такая традиция. Назовем вопросы относительно конкретных зон комментария и дадим на них краткие ответы.

– Почему такое сокращение – **КОМБ**? (Комбинаторика – изучение комбинации групп слов, употребленных для решения общей коммуникативной задачи. Такое понимание расходится с традиционным пониманием комбинаторной лексикологии – описания сочетаемостных свойств слова. Мы следуем скорее математическому, а не лингвистическому пониманию комбинаторики – фиксация и изучение различных комбинаций элементов какого-либо множества. Если это комбинация значений одного слова, тогда зона **КОМБ1**, комбинация однокоренных слов – **КОМБ2**).

– В зону афористики (**АФРЗ**) выносятся то, что сам Достоевский употреблял в качестве афоризма? (Нет, это все высказывания, обладающие свойствами афоризма, которые, возможно, даже широко и не известны.)

– Что выносятся в зону игрового употребления идиоглоссы (**ИГРВ**)? (Это очень спорная во многих отношениях зона, во-первых, потому, что она может пересекаться с другими зонами, например нестандартного употребления слова, **НСТ**, и употребления идиоглоссы в ироническом контексте, **ИРОИ**. Во-вторых, определение игрового употребления слова, понимаемого нами как сознательное отклонение автора от существующей языковой нормы, включает в себе понятия «сознательность» и «норма». И о том и о другом мы можем судить лишь приблизительно. Если второе, норму, мы можем рассматривать с позиции современного читателя, то с первым, сознательностью, дело обстоит намного сложнее. В данном случае нам помогают сравнительные исследования стиля авторов XIX в., в основном – игровые приемы и средства создания иронии, используемые в публицистике. В этом отношении способы создания языковой игры, например, у Достоевского, Лескова и Щедрина, в целом однотипные, т. е. можно сделать предположения и о сознательности использования данного приема. Есть и еще один индикатор **ИГРВ** – сам Достоевский иногда ту или иную фразу называл каламбуром.)

Множество сомнений связано и с такими зонами комментария, как символическое употребление слова (**СМВЛ**), употребление идиоглоссы в составе чужой речи (**ЧЖР**) и др.

7. И закончим вопросом, который возникает чаще всего, что, в общем-то, вполне закономерно. Это вопрос о том, можно ли применить концепцию «Словаря языка Достоевского» к конструированию словарей языка других писателей? Наш ответ однозначен: да, можно. Лексикографические параметры, лежащие в основе Идиоглоссария, большей частью являются универсальными, их систему можно использовать в качестве своеобразной матрицы для составления словаря языка

любого писателя, принимая, однако, во внимание тот факт, что степень значимости этих параметров может различна.

В заключение скажем о том, что в настоящее время подготовлен к печати IV том Идиоглоссария (буквы Н – Пе), и выражаем надежду, что работа над «Словарем языка Достоевского» будет продолжена.

ЛИТЕРАТУРА

Антология – Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с.

Ружицкий 2015 – *Ружицкий И.В.* Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.

СЯД 2001 – Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. I. Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2001. 510 с.

СЯД 2003а – Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. II. Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. 510 с.

СЯД 2003б – Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. III. Авт.: Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н., Коробова М. М., Ружицкий И. В., Цыб Е. А., Шепелева С. Н. / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. 559 с.

СЯД 2008 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В). Авт.: Гинзбург Е. Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.

СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.

СЯД 2012 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012. 847 с.

REFERENCES

Anthology – The Author’s Russian Lexicography 19–20 centuries.: Anthology / Responsible Ed. Yu.N. Karaulov. Moscow. Azbukovnik Publ. 2003. 512 p.

Ruzhitskiy I.V. (2015) The Language of Dostoevsky: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS Publ. 543 p.

Dostoyevsky’s Language Dictionary. The Lexical Order of Idiolect. Vol. I / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2001. 510 p.

Dostoyevsky’s Language Dictionary. The Lexical Order of Idiolect. Vol. II / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2003. 510 p.

Dostoyevsky’s Language Dictionary. The Lexical Order of Idiolect. Vol. III / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2003. 559 p.

Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (A – V) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2008. 962 p.

Dostoyevsky's Language Dictionary. Idioglossary (G – Z) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2010. 1049 p.

Dostoyevsky's Language Dictionary. Idioglossary (I – M) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2012. 847 p.

Сведения об авторе:
Игорь Васильевич Ружицкий,
докт. филол. наук
доцент
кафедра русского языка для иностранных учащихся
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Docent
Department of Russian Language for Foreign Students
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University,
Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS
konnitie@mail.ru